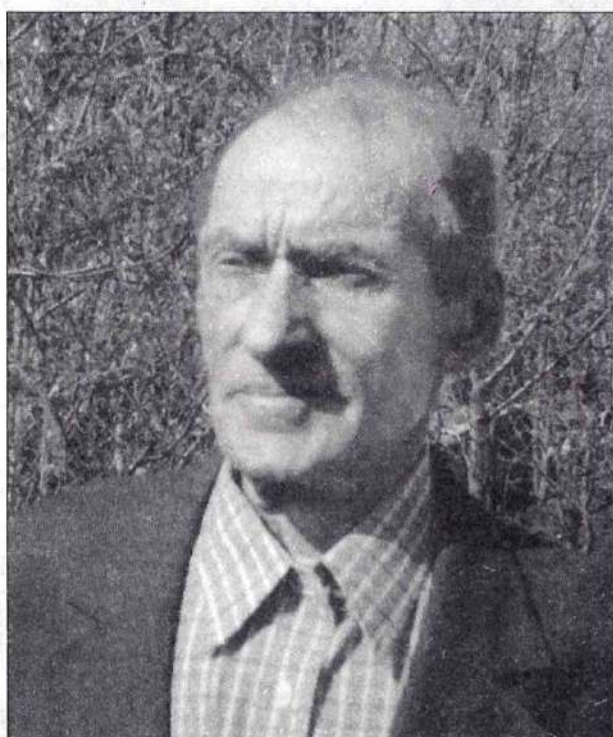

ТАК ЭТО БЫЛО

Пути встреч и надежд

Иван Васильевич Рыбалкин, родился в 1932 г. в Башкирии в Хайбуллинском районе в с. Нововоздвиженка, ветеран труда.

— С Иваном Васильевичем Григорьевым я познакомился в 1956 году на целине. До этого я работал шофером в колхозе «Красный Октябрь», затем переехал в поселок Целинный того же Хайбуллинского района. Здесь и сошлись наши пути — раз и на всю жизнь.

Место нового поселения представляло сплошные степи. Оно и стало форпостом наступления на них после 1954 года. Возник в числе других новый совхоз, началась распашка тысяч и тысяч гектаров. А Иван Васильевич до этого жил от нового поселка неподалеку, через речку, в д. Новокурс. Он также переехал

в новое хозяйство. Работали мы водителями на юрких грузовичках ГАЗ-51. Возили всевозможные грузы, главными из которых были продукция полей, топливо, техника и оборудование.

В то время надежных дорог не было, да и обслуживание машин было проблемным: нулевая ремонтная база, отсутствие запчастей, гаражей, бездорожье определяли повседневный быт шоферов. Вместе с тем эти условия выковывали твердые характеры настоящих асов, больших мастеров своей профессии. Григорьев таким и был. Главные качества его души, его поведение я бы сегодня вложил в образ волевого, сильного парня тех лет, многие из которых были отмечены большим запасом внутренней доброты и бескомпромиссной справедливости. Еще тогда я понял, что если мой тезка что-то задумал, то своего добьется.

Однажды мы с ним поехали за грузом в г. Сибай. И расстояние по нынешним меркам невелико — каких-то 60 километров в один конец, но дело было зимой, поэтому подготовились как всегда основательно. Надели на колеса цепи, взяли с запасом горючего и, рассчитывая к вечеру вернуться домой, тронулись. В городе благополучно загрузились и отправились обратно. Но, как это бывает в степи, неожиданно поднялся ветер, началась пурга. Вскоре снег повалил так густо, что в десяти шагах было ничего не видно. Что делать? Мысли повернуть обратно и не было. Мы привыкли верить друг в друга и знали, что, только работая, двигаясь, мы сможем пробиться и доставить до места груз. Я становлюсь на крыло машины и пытаюсь разглядеть дорогу. Через вой пурги кричу напарнику, где принять влево, а где повернуть вправо. Когда замерз вконец, сажусь за руль, а напарник становится на крыло

Началась ночь, а мы и половины пути не преодолели. Видимость исчезла совсем. Тогда Григорьев в

свете фар идет перед машиной и показывает дорогу. Хотя какая там дорога, так, направление.

— Слушай, — говорит он мне, забираясь в кабину перевести дух, — дальше пяти метров от капота не отходи, света фар вообще не видно.

Когда мы обессилели совсем, втиснулись полулежа в кабину оба. Один бок замерзает, переворачиваемся на другой. Так и лежали, тормоза друг друга.

С рассветом лучше не стало, но надо было двигаться. Метель безумствовала. Надежды на то, что кто-то в этой круговерти пустится нас спасать, не было. Степь огромна, и в каком ее краю нас искать — кто знает? На шаг выбираем места повыше: бугры, холмы — там заносы поменьше. Но двигаемся! Таким образом и шагали мы, и ехали до дома почти двое суток. Голодные, не выспавшиеся, но живые! Хотя в ту пору нередко подобные рейсы заканчивались трагично. Происходило такое, как правило, с теми экипажами, в которых не было согласия и страх затмевал рассудок.

Подобные поездки в нашей совместной с Григорьевым работе бывали не раз. Однажды в сильнейшую пургу мы буквально заблудились в двух километрах от дома и чуть не свалились с обрыва в десяти метрах от моста. Случайно наткнулись на бывшее кукурузное поле, по нему и сориентировались.

Так вот и сложилась наша дружба с Иваном Васильевичем, впоследствии она стала семейной. На время наши пути расходились: он работал бригадиром, управляющим Центральным отделением Хайбуллинского совхоза, я учился в техникуме на агронома.

Управляющим его назначили не случайно: целинные дороги закалили бойцовские качества Ивана Васильевича, воспитали в нем уверенность в собственные силы. Достаточно сказать, что только зерновыми Центральное отделение засевало в ту пору 16 тысяч гектаров пашни! После окончания учебы я при-

шел на это отделение агрономом. Сложилось так, что вскоре наше отделение в масштабах хозяйства стало центральным не только по названию. Один год, помню, мы собрали с каждого гектара по 26 центнеров хлеба. Радовались как никогда! Так вот и проработали вместе 17 лет. Вместе мы и получили медали «За освоение целинных и залежных земель». Правда, тут Иван Васильевич меня обошел: его наградили еще Дипломом почетного целинника Башкирии.

Когда Григорьев работал в Челябинской области секретарем парткома совхоза «Митрофановский», мы с женой возвращались с южного курорта домой. Было это в 1973 году. Отпускные дни еще оставались, и мы с Ниной Никифоровной наконец-то решили побывать у друзей.

Григорьевы, как всегда, встретили нас с радостью. Когда обсудили все новости, вспомнили общих друзей и знакомых. Иван Васильевич стал вникать в наши семейные планы. Жаловаться было не на что: дела у меня в Башкирии шли хорошо, жена по-прежнему преподавала в средней школе физику и математику. У нее, кстати, в свое время Иван Васильевич учился в вечерней школе, получая среднее образование. Все бы ничего, да вот дочери подрастают, им дальше учиться надо, а до города далековато.

— Тут и раздумывать нечего, — включился тут же он в нашу проблему, — переезжайте к нам в совхоз. Город рядом, работой обеспечим, а там и квартиру получите.

Подумали-погадали мы с женой — и стали челябинцами. Впоследствии, как и говорил Иван Васильевич, все у нас сложилось на новом месте. Меня назначили управляющим тепличного хозяйства, жена получила работу в Кременкульской средней школе. Забегая вперед, скажу, что мои дочери получили прекрасное образование: Ольга Ивановна работает директором средней школы в г. Челябинске, готовится

к защите кандидатской диссертации. Алла Ивановна, закончив Московский коммерческий институт, также работает по специальности в областном центре.

Поначалу мы с женой решили жить в общежитии, но Иван Васильевич и слушать не захотел:

— Мы в кабине «газика» вмещались, а в нашем доме теснее не будет, — заявил он нам. Подключил к переговорам свою жену, Александру Ефимовну. И мы, глядя, как дружно живут Григорьевы, в ожидании своего угла семьей поселились у них. Жаль, Александра Ефимовна безвременно скончалась после тяжелой болезни, но мы навсегда сохранили в сердцах светлую память об этой доброй женщине, которая была душой и опорой всей семьи.

Моя работа на новом месте оказалась сложнее, чем можно было ожидать. В тепличном хозяйстве совхоза работало 120 человек, они обслуживали 3 гектара закрытого грунта да в поле высаживали овощи на 600 гектарах. К тому же в овощеводы очереди не было. Люди получали оклады, где-то около 90 рублей в месяц, в результате производительность труда была низкой, а отрасль убыточной. Это, естественно, не устраивало ни администрацию, ни партком хозяйства.

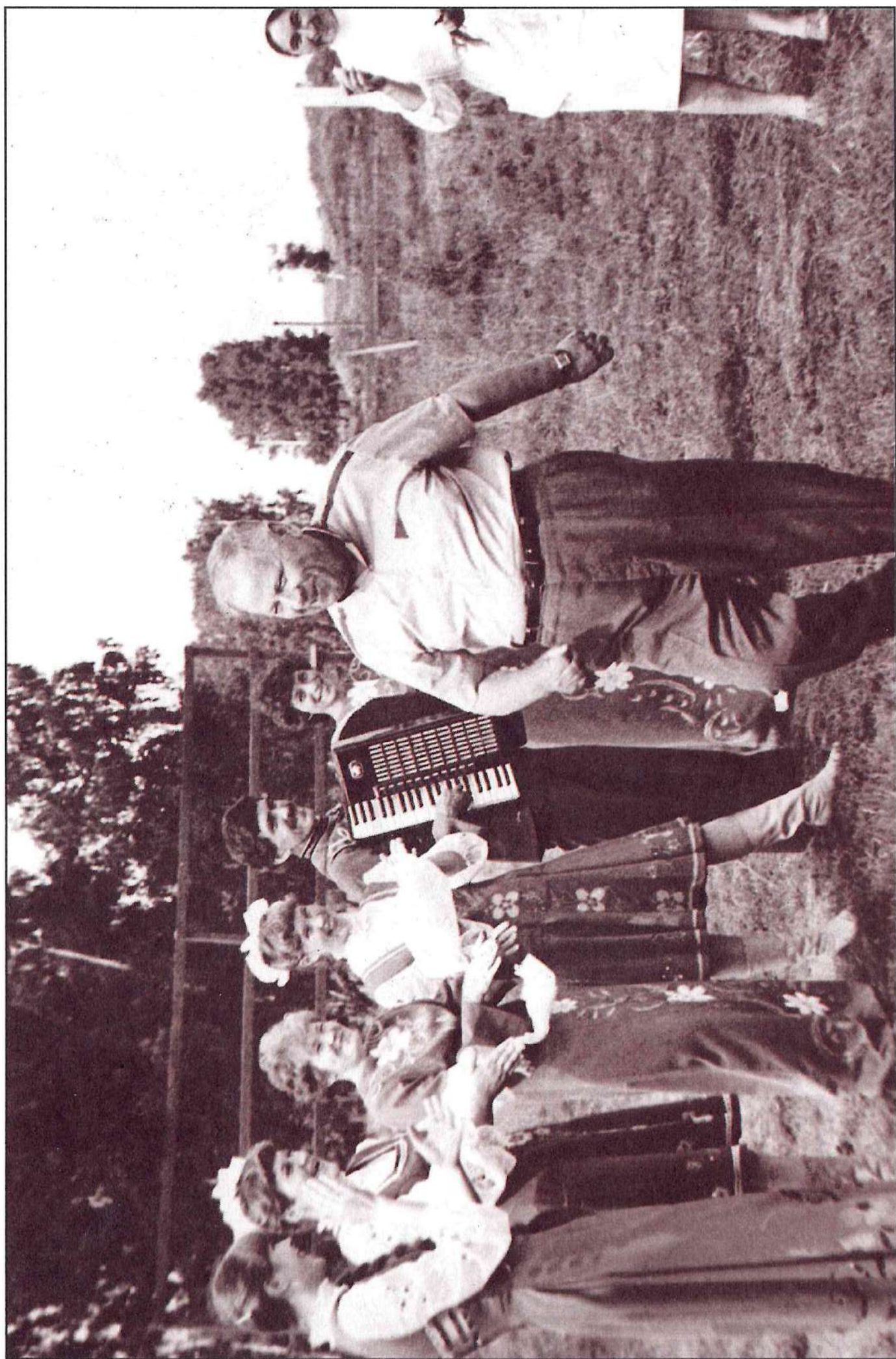
Директор Иван Александрович Коляда, секретарь парткома Иван Васильевич Григорьев прикинули со мной планы первоочередных действий и решили, что стоит поучиться у лучших овощеводов. Они направили меня за опытом на ведущие предприятия Москвы, Ленинграда, Риги и других регионов. Оттуда я и привез идею о необходимости перевода овощеводов на сдельную систему оплаты труда. Начали ее внедрять. Преобразовали тепличное хозяйство в цех, составили новые графики, должностные инструкции, поставили в зависимость от реализации оплату труда. И дело пошло. Стали в год поставлять на рынок

по 16 тысяч тонн овощной продукции 25-и наименований. Появились средства на укрепление материальной базы, на ее модернизацию, на увеличение заработной платы овощеводов. А когда вскоре отрасль стала прибыльной, то среднемесячный заработок работников нашего цеха составлял уже 300 и более рублей в месяц. О нас заговорили в районе и в области, плоды наших рук демонстрировались на ВДНХ в Москве и неоднократно отмечались медалями различных степеней.

Не могу не отметить, что достижению высоких результатов в труде способствовала обстановка делового настроя и доброжелательности, которую Иван Васильевич может создать в любом коллективе. Полувековой стаж нашей дружбы с ним — верный тому признак.

Мне, ветерану села, печально сегодня видеть, как многое из достигнутого нами осталось в прошлом. Но знаю, возрождение неизбежно последует.

Неожиданный ракурс: пляшет директор Я.М. Бойченко.

Родная моя земля

* * *

Над тобою небо синее,
Вдоль тропинок — васильки.
У нас девушки красивей,
Словно ивы у реки.
И березы у нас краше,
И белее, и стройней.
Поле яркое ромашек...
Нет на свете их милей!
Я когда-то уезжала,
От тебя жила вдали.
Ностальгия заедала —
Снились мне снега твои.
Отчий дом мой на Урале,
Здесь родилась и росла.
Я любовь к родному краю
Через годы пронесла.
Не найти села красивей,
Все в нем — сказка наяву.
Светлым именем «Россия»
Тебя ласково зову.

Шагура Гизатуллина,
штукатур-маляр

* * *

О знатных доярках любимой «России»
Узнали на Кубе, в Германии, в Чили —
Отсюда за опытом к нам приезжали,
Мы хлебом и солью гостей всех встречали.

Алина Настюшкина,
учительница начальных классов

п. Мирный

Ежедневная пятикилометровая прогулка коров.

**Коровы - всесоюзные рекордистки
(продуктивность в килограммах за лактацию)**

Россиянка	18086
Волга	17517
Горная	15167
Диана	13658
Ягода	13146
Ракета	13129
Пурга	12870
Ромашка	11744
Апрелька	11432
Ласточка	11178
Милка	11092
Звезда	11054
Макета	10798
Сентябрина	10619
Березка	10562
Сиротка	10437
Роза	10398
Малина	10311
Лада	10268
Великана	10125
Журавушка	10096
Нева	10086
Лада	10045

Дополнение

"Мас встречала плевком в лицо,
потерявшая совесть Родина."

Слова из песни.

Валентина Гейман

Сокровенные мысли об арганской войне:

Пусть сейчас нам нет погёта,

Пусть. Беда не велика.

Но Арган, друзья, со сгёта

Рано сбрасывать пока.

Это, брат, такая сила,

Равной ей в России нет.

Мас не зря, видать, носило

Плани, "за режкой," девять лет.

1994-1998 г.

"Природа сотворила Россию только одну.
Бй нет равных. История не знает такого
мужества и силы". А. Суворов.

— Идеологический аппарат СССР воспитал небывалое губительство, интернационализма, любви и уважения народов друг к другу, привил небывалую веру в партию коммунистов... И, в конечном счёте, — веру в победу. Народ захлёбывается в своей гордости, в своей преданности и патриотизме, в вере и любви. Этими и обвящаются все победы на фронте... все дела в тылу. Солдаты, словно осатанелые, идут в бой, не задумываясь о гибели! На заводах, на фабриках люди по двадцать часов в сутки стоят у станков! И женщины стоят, и дети! В селе люди живут на картошке, на крапиве — всё, до последнего килограмма мяса, до последнего литра молока, до последнего зерна, отдают фронту. Все, даже самые дорогие, беспомощные старики и старухи, вылезли сейчас в поле, дергают сорняки на посевах. Вот как их воспитали! И это... всё это вы хотите попомнить, уничтожить, выветрить?

— Именно это, Пётр Петрович... Окончится война — всё как-то утрясётся. И мы бросим всё, что имеем, тем располагаем... всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Тосая в том хаосе, мы незаметно подменили их ценности на грабильные и заставили их в эти грабильные ценности повернуть! Как, спрашиваете? Как?!

— Мы найдём своих единомышленников... своих союзников и помощников в самой России!

— Да сколько вы их там найдёте?

— Достаточно! И даже не то слово — найдём... Мы их воспитаем! Мы их наделаем столько, сколько надо! И вот тогда, вот когда... со всех сторон — снаружи и изнутри — мы и приступим к разложению... сейчас, конечно, монолитного, как любят повторять ваши правители, общества. Мы, как черви, разведём этот монолит, продырявим его. И слушай! Общими силами мы низведём все ваши исторические авторитеты, ваших философов, учёных, писателей, художников — всех духовных и нравственных идолов, которыми когда-то гордился народ, которым поклонялся... до примитива, как угли, как это умел делать Троцкий. Льва Толстого он, например, задолго до революции называл в своём статьях замшелой каменной глыбой. Знаешь?

— Не читал... Да мне это и безразлично.

— Вот-вот! — отбивился ещё больше Лазновский — И когда такие, кому это безразлично, будет много, дело сделается быстро. Вся историю России, историю народа мы будем трактовать, как бездуховную, как царствование сплошного мракобесия и реакции. Постепенно.

шаг за шагом, мы вытравим историческую память у
всех людей. А с народом, лишённым такой памяти, что-
то делать это угодно Народу, переставший гордиться прои-
шлым, забывший прошлое, не будет помнить и настоящего.
Он станет равнодушным ко всему, оступит и в конце концов
превратится в стадо скотов. Что и требуется!
Что и требуется!

- Вот так, уватаемный, - произнес он голосом уже не гневным,
но кажим-то высокопарным.

- Я, Петер Петрович, приоткрыл тебе лишь уголок занавеса,
и ты увидел лишь крохотный кусочек сцены, на которой
эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по
своему масштабу трагедия о гибели самого непокорного на
земле народа, об окончательном, необратимом угасании его
самосознания... Конечно, для этого придётся много поработать.

Из литературы и искусства мы, например, постепенно вы-
травим её социальную сущность, отушим художников, ото-
бьём у них охоту заниматься изображением, исследованием,
что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народ-
ных масс. Литература, театры, кино - все будут изображать
и прославлять самые низменные теловеские чувства. Мы
будем всячески поддерживать и поднимать так называемых
художников, которые станут насаждать и вдалбливать в тело-
веское сознание культ секса, насилия, садизма, предательства

- словом, всякой безнравственности. Мы создадим вокруг них
орбел славы, осыпем их наградами, они будут купаться в деньгах.
За такими - кто из зависти, кто по необходимости заработав
кусочек хлеба - потянутся остальные... В управлении государ-
ством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно,
но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников,
взяточничеству, беспринципности.

Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель.
Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не
станут нужны, превратятся в пережиток прошлого...
Хамство и наглость, лоды и обман, лезвоство и наркомания,
животный страх друг перед другом и беззащитное предатель-
ство, национализм и вражда народов, прежде всего вражду и
ненависть друг к другу народов к русскому народу - всё это мы будем
ловко и незаметно культивировать, всё это расцветёт махро-
выми цветами. Ушишь немногие, очень немногие будут догадываться
или даже отчётливо понимать, что происходит... Но таких
людей мы поставим в беспомощное положение, превратим
в посмешище, найдём способ их оболгать и обзавить отбро-
сами общества... Вот так мы это и сделаем, любезный.

Вот так.

Мозг Толстого не мог во всём объёме воспринять смысл
всего сказанного, он не мог определить, серьёзно всё это или
нет, нормальный ли перед ним этот человек, этот Лажновский,
или ненормальный. Петер Петрович лишь был поражён
нарисованной ему апокалиптической картиной.

- Да-а... Ловко, - растерянно произнёс он после длительного
молчания.

- Что? - резко воскликнул, будто огнувшись от забытья, Лажновский
- Враны ваши, конечно... решительные. Ловко никогда вам их
не осуществит, - мотнул головой Толстой.

1
- Идеологический аппарат СССР воспитал небывалое губство интернационализма, любви и уважения народов друг к другу, привил небывалую веру в партию коммунистов... И, в конечном счёте, - веру в победу. Народ захлёбывается в своей гордости, в своей преданности и патриотизме, в вере и любви. Этим и объясняются все победы на фронте... все дела в тылу. Солдаты, словно осатанелые, идут в бой, не задумываясь о гибели! На заводах, на фабриках люди под двадцать часов в сутки стоят у станков! И женщины стоят, и дети! В селе люди живут на картошке, на крапиве - всё, до последнего килограмма мяса, до последнего штра малака, до последнего зерна, отдают фронту. Все, даже самые дряхлые, беспомощные старики старухи, вылезли сейчас в поле, дёргают сорняки на посевах. Вот как их воспитали! И это... всё это вы хотите пощадить, уничтожить, выветрить?

- Именно это, Гитлер Петрович... Окончится война - всё как-то утрясётся. И мы бросим всё, что имеем, тем располагаем... всё золото, всю материальную мощь на обольщивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Тосая в том хаосе, мы незаметно подменили их ценности на фальшивые и заставили их в эти фальшивые ценности поверить! Как, спрашиваетесь? Как?!

- Мы найдём своих единомышленников... своих союзников и помощников в самой России!

- Да сколько вы их там найдёте?

- Достаточно! И даже не то слово - найдём... Мы их воспитаем! Мы их наделаем столько, сколько надо! И вот тогда, вот когда... со всех сторон - снаружи и изнутри - мы и приступим к разложению... сейчас, конечно, монолитного, как любят повторять ваши правители, общество. Мы, как гербы, разведём этот монолит, продырявим его. И слушай! Общими силами мы низведём все ваши исторические авторитеты, ваши философов, учёных, писателей, художников - всех духовных и нравственных идолов, которыми когда-то гордился народ, которым поклонялся... до примитива, как угли, как это умел делать Троцкий. Льва Толстого он, например, задолго до революции называл в своих статьях замшелой каменной глыбой. Знаешь?

- Не читал... Да мне это и безразлично.

- Вот-вот! - отбивился ещё больше Лазновский - И когда такие, кому это безразлично, будет много, дело сделается быстро. Вся историю России, историю народа мы будем трактовать, как бездуховную, как царствование сплошного мракобесия и реакции. Постепенно

Село является хранителем нашей национальной культуры, быта, обычаев, традиций.
Воспитание в сельской семье - это формирование нравственного, духовного и физически здорового поколения.

Как не любить мне эту землю.

Музыка В. Левашова
Слова В. Позарево

Как не любить мне эту землю,
Где мне дано свой век прожить,
И эту синь, и эту землю,
И тропку тайную боржи.

Мне хорошо в твоих раздольях,
Моя любовь, моя земля.
Крестьянка русская владоня
Весною нянчила тебя.

Как не любить мне эту пашню,
Что битва кровью обожгла.
Как мне забыть за правду павших
Крестьян из нашего села.

Земля, под грозями ты мокла
Сквозь бури шла и отшла.
Скажи, а всё ли сделать смог я,
Чтоб ты любить меня могла?

Когда к тебе я припадаю
В суровой нежности своей,
В твоём тепле я вспоминаю
Ладони матери моей.

Как не любить мне эту землю,
Где мне дано свой век прожить,
И эту синь, и эту землю,
И тропку тайную боржи.

Нелюбовь...

Нелюбовь к России наша интеллигенция выместовала на себя. Мы можем уверенно указать точку отсчёта этого разрушительного процесса. Вся эта беда началась со времени правления Петра I.

Огарованный нравственной и моральной свободой европейского Ренессанса, свободой мысли, манер поведения, Петр стал безжалостно выкорчёвывать самые основы самобытной русской культуры и русского быта. Как пишет М. М. Карамзин: «Блжкий монарх с разгорячённым воображением, увидев в Европе, захотел сделать Россию Голландией». Россия осталась Россией, но с искалеченным, духовно-чуждым русскому народному духу, высшим слоем русского общества. Историк Башминов Ю. В. пишет: «После смерти Петра началась самая нелепая страница истории русского народа. Те, кто должны были вершить его судьбу, помыгали его веру, презирали его обычаи, на каждом шагу издевались над его национальным достоинством.» Период Петра с полной гегемонией иностранцев, при отсутствии всяких нравственных сдержек.

Именно при Петре сформировались первые интеллигенты, этот незначительный слой образованных, просвещенно воспитанных людей, в котором от рождения оказалось заложено пренебрежительное отношение ко всему русскому и восторженное, безоговорочное преклонение перед всем иностранным, европейским.

В период русской революции в статье: «Враждующие между собой братья!» Т. В. Блажанов отметил, что рабочий-социально устойчивый человек смотрит на другого, как на своего товарища, потому что к издеванию, которое выходит из ворот завода, прилагаются усилия тысяч рук. Интеллигент же смотрит на другого, как на соперника. Его труд индивидуален и поэтому, — говорит Блажанов, — самые скипные люди — это артисты и вообще интеллигенция.

Революция — судорога, за которой должно следовать медленное и планомерное движение к цели.

Великая революция Франции сотрясала и мучила героический народ её десять лет.

Народ Италии на протяжении сорока лет совершил десяток революций, прежде чем создал единую Италию.

Творцом русской революции февраля 1917 г. явилась интеллигенция. А началось со скуки, т.е. от преснищенности, или, как говорит В. В. Розанов, «с тирю». Чего-то ей хотелось, как говорил в свое время Салтыков-Щедрин, толмение, свойственное молодежи, и окончательно одолевшее её к 1917 году.

2
Языком помещика он выражался так: "Чего-то хотелось? Не то конституции, не то осетринки с зерном..."

Мы задумались и трезво проанализировали, конямы, откуда взялась в умах русского правящего класса и интеллигенции это пренебрежение русским духом? Это поистине постыдное, заеживающее, тупое подражание абсолютно чуждым нам принципам, манерам, красуясь иными, по сути своей, мелкими, вовсе не столь великими странами и народами Европы.

Неужели не понятно, что из этого, так называемого "окна", с такой надеждой прорубленного нами в Европу, нам постоянно показывают неприглядные жесты, а именно, из него мы в полной мере напитались всяким духовным суррогатом.

Из этого источника пришло в Россию поголовное увлечение нигилизмом, "просвещенным материализмом", либерализмом и атеизмом, возведёнными в XIX веке в ранг государственной идеологии.

В результате громадная страна, мощное государство, впервые в истории встало открыто на путь борьбы с Богом. Правящая элита и интеллигенция, убеждённые в необходимости отстранить Николая II от управления страной, призвали царя к отречению. Император под этим мощным давлением принял решение: "Нет той жертвы, которую я не принёс бы во имя действительного блага и для спасения Родной Матушки России. Во имя спокойствия и спасения горячо любимой России, я готов отречься от престола".

Маслалившись в полной мере великомерным зрелищем революции, наша интеллигенция приготовилась надеять свои подбитые мехом шубы и обратно возвратиться в свои уютные хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы сожжены, - философ Розанов в статье "Интеллигенция и революция".

Революция! Свобода! Грабь награбленное! Ушло... После революции февральской "буржуазной" в 1917 году интеллигенция пошла в народ. Как бы не так!

Загнем ей руки пахотать и учить грамоте русский народ?

И, в конце концов, творцам русской революции, всем свободомыслящим, либеральным, просвещённым слоям общества в октябре 1917 г дали "жоромшего пинка" совсем иными силами: малоинтеллигентными. Но весьма способная организация большевиков, не отягощён-

3
ная высокими идеалами.

Поэт Максимilian Волошин: с Россией поконжено...
„германцы с запада и монголы“ на Дальнем Востоке...
28 млн за 4 года войны гражданской. Но Россия, как бы
ее не кроили на куски, на владения, она восстановилась!

Для объективного понимания всего произошедшего
в нашей стране в то время, необходимо твердо усвоить
самую суть и причину наступившего ужаса граждан-
ской войны. Смертельное противостояние между „белыми“
и „красными“ было всего лишь борьбой за возвращение
плотов февральской „буржуазной“ революции, так
нагло присвоенных большевиками в октябре 1917г.
„Белое“ движение, по сути своей, — плод „справедливого“
возмущения той самой интеллигенции, правящей
элиты, высших и зажиточных слоёв российского
общества, которые так напряжённо и долго труди-
лись над свержением монархии, а плоды их усилей
похитили наглое жандармы большевики.

Попытки же большевистских идеологов предста-
вить своих революционных коллег контрреволюци-
онерами, реакционными силами, желающими вос-
становления „ненавистной монархии“, крайне неуклю-
жи и насквозь живы... (Духовные истоки русской революции)
Никто и не думал восстанавливать монархию и
спасать гонимого Императора и его семью.

Цетанно преданных царю людей было крайне мало.
Духовные истоки революции. Епископ Митрофан (Баданин)

Было. Все было. И неприязненное отношение к „немытой“
России, к устаревшей форме правления. Но нельзя так
огульно обвинять всю интеллигенцию в преклонении
перед Западом и неуважении российской самобытности.
Затягивались ганы петровской революции и ясно
обозначились два взгляда на будущий исторический
путь России, как Западничество и Славянофильство.
Западничество — пример общественного устройства
государств Западной Европы, как идеального образца
для подражания.

В общественном сознании сформировалась
альтернативная модель, предлагающая Российской
империи реализовать свой собственный самобыт-
ный и уникальный исторический путь.
Важно отметить, что в то время религиозная
составляющая, идеалы христианской морали и
нравственности были ещё достаточно сильны, и
поэтому обе стороны споров категорически не прина-
мали бунтарского духа разрушения идей революции,
и это, самое главное, — они любили Россию и желали ей

1
всягеского процветания.

Понять истоки и движущие силы русской революции можно в труде Бирюкова, изгнанного из СССР в 1929 г. Он спорил с Плехановым и с другими марксистами, живущими за рубежом, что Россия не готова к революции. Необходимо полное созревание, формирование классов буржуазии и пролетариата.

2. Вы просто не знаете русского народа. Он поверит пламенным словам о справедливости и братстве, о необходимости наказать грабителей трудового народа, мозолистой рукой трудового народа унижить кровопивцев - эксплуататоров и построить новый мир всеобщего счастья и добра". Этот коварный "демон" тонко губетворял, как прельстит народную массу, как затронуть потаённые струны души русского народа. Интересно отметить, сам Карл Маркс предсказал подобный ход событий и жёстко критиковал попытки построить "грубый и непродуманный коммунизм", который по утверждению Маркса, является порождением "вселемной зависти".

Именно зависть, возведённая в ранг добродетели, руководила российскими революционными массами. Зависть к чужому богатству, к чужому положению в обществе, к чужому таланту и т.д. В бунтарском сознании масс это пороющее, низменное чувство быстро оформилось в удобный лозунг: "Грабь награбленное".

Революция 9 января 1905 года захлебнулась в крови. Россия была не готова к революции, революция была стихийной, хотя как таковая с хорошей идеей обратилась к царю и при полном "облачении" с иконами и хоругвями вывел людей на площадь.

И полегли на площади тысячи.

Были в России люди ненавидящие свою родину. Русский поэт и дипломат Ф.И. Тютчев писал об этом горько и с удивлением и презрением. "Эта категория граждан с духовно нравственным уродством". Раньше они нами, и они действительно так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. и т.п.

Ярким примером русодобии, как это ни парадоксально, явился И.С. Тургенев. Я здесь, в Европе, поселился окончательно. Здесь цивилизация, а у нас варварство. (Из рассказа Ф. Достоевского А. Майкову о своей беседе с Тургеневым. Листья от 16 августа 1867 года) Все попирают нравственные законы России и те, кто остался и те, кто покинул Россию.

О духовном уродстве в нашем обществе писал подпольный русский интеллигент А.И. Чехов, предупреждая, что именно

5
эта „братия“ порождает ту силу, которая их же и унижает: „Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, четвергунную, невеститанную, ленивую, не верю, даже когда она страдает и жалуется, ибо притеснители выходят из её же недр.“

Надо заметить, что после прихода к власти и отказа от утопии „всесоюзной революции“, большевики отказались от западничества, заявив о своём особом пути новой России. По сути, вся история СССР стала реализацией этого особого пути, в предположении коммунистической идеологии. Организованное сообщество большевиков в полной мере „оседлало“ христианскую мечту о грядущем Царствии Божием.

В. И. Ленин сделал ставку на пролетариат: „Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе...“ Интеллектуальными силами, желающими нести науку народу, мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их берём.“

(Из письма Ленина Горькому от 15 сентября 1919г.)

Молодые рабочие и крестьяне, получившие доступ к образованию, стали просто „советским народом“:

Трудовая интеллигенция г. Харькова и Харьковской губернии, по примеру Москвы, объединилась в Харьковский Совет Депутатов Трудовой интеллигенции, чтобы не осталась народная масса без головы.

(А. М. Горький. Несвоевременные мысли).

Не секрет, что составленный по требованию Н. С. Хрущёва в 1961 году „Моральный кодекс строителя коммунизма“ был разработан специалистами ЦК на основе Закона Моисея и Магической проповеди Иисуса Христа.

По пророчеству великих наших учителей Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского мы являемся народом — Мессией, на который возложено идти дальше всех и впереди всех.

Литература: 1. А. М. Горький

статьи: несвоевременные мысли

2. Визиток Митрофан (Баданин)

Духовные истоки русской революции.

3. Т. В. Алексанов

сочинения, том III, выдержки из писем.

Письма

Председателю Магнитогорокского
городского Собрания депутатов
Морозову А.О.

от Коноваловой Л.М.
455000, г. Магнитогорск
кр. К. Маркса 64/1 - 63
тел. 23 44 95
8 982 323 13 47

Я Коновалова Людмила Михайловна 13.02.1937 г.
- правнучка Якова Степановича Воронцова-Коновалова.
Он был крепостным графа Воронцова и при отмене
крепостного права уехал на подаренной жеребёй
кобылке Зорьке. Обосновался 27-летний Яков на облю-
бованной местности в Нижегородской губернии и
основал д. Зайцево-Нагорное Шмелевской волости.

Он был лекарем-травником, прозванным колдуном.
По берегам реки Зайчихи в двух улицах всего-то 40 домов.
Он встречал широкосердно и пробожал каждое новое поколение
односельчан. У мог бы иметь шраморные хоромы, но был
он человеком верующим, ласким людей и животным бес-
клатно. Гордился родом своим: "В нашем роду не
было князей, тюремщиков, разжён". И оставил
нам, потомкам заповедь: "Не зареся на чужое и делай
добро". Он дождал меня и ушёл из жизни почти в 104 года.

В годы моего детства в Зайцево не было школы.
Сказки, бивальщины, неграмотная моя матушка рассказыва-
ла нам перед сном, лежа на русской печке.

А в четырёх км от нашей деревни в культурной д. Большая
Свега и школа Семилетка, и клуб, и изба-читальня, а после
войны и радио, и электричество появилось. Здесь учились
деревенские деточки. Пошли пешком за 4-5-7 км.

Трудное детство, но нигде не заменить это деревенское
воспитание, никакими беседами, лекциями "О любви к своей
земле", никакими дискуссиями в культурной городской
избе-читальне П. Крошенинникова или Б. Ругеева.

Я всё взяла от земли своей, от своей малой родины. Всё.
Я нигде не болела в детстве, да и во взрослой жизни никогда
не пользовалась больничным листом, хотя работала в лесу,
с 14-74. Всегда благодарна Высшим Силам и родителям своим
за здоровье, которое вложили в меня при рождении.

Незадолго до перестройки наши власти-Шмелевские
коммунисты сделали доброе дело. Сначала построили
2^е этажные кирпичные дома со всеми удобствами
в д. Б. Свега. И свезли стариков из исчезнувших деревень.
А дома их на дрова. Ведь у нас пустынь, леса ветлужские
не близко. Вот так исчезла моя красивая деревенька.

Осталась только схема моей деревни, все 40 домов с пацетками. Чей скраю дом? Кто там жил? Хозяин и деточки его. Сколько трудов я рисовала-создавала эту схему. А родословная рода своего с 1800 года до 9-го колена на 38 местах склеенных скотчем и в 200 (двухстах) рассказах моих. Что написано пером... Рассказы мои в интернете: II гражданская война (Роль большевиков в установлении Советской власти в Сибири); целина Баш АССР в рассказах, и целина Л.И. Брежнева в Казахской ССР; дорога жизни-Ленинград, блокада, голод; отрывок в двух страницах из книги "Ветхий Зов".

Ме зря я 40 лет ездила на свою малую родину в свой 12-дневный отпуск за 1,5 тыс. км. "Родословная, Память" в рассказах о ММК, о целине, о сыновьях и невестках.

У меня один единственный родной сын Вовочка-Володька, трое сыновей неродных. Взрослели вместе. Наставляло их мудрыми словами дагестанской поэтессы Фазу Амиевой: "Запомни, сын мой, что у той дороги, где ищут идеальную, нет конца". Парни здоровые, им всё нипогёе. Но женились на красивых девушках, и на всю жизнь. А Володька-инвалид. Но я его женила на хорошей деревенской девочке. У меня родная племянница-отлигница внучка и добрый внук, который уважает за отцом и работает на ММК. Что мне ещё желать? Я счастливая бабушка.

Вот мне бы книгу последнюю издать, "Я люблю тебя, Россия".

Как не любить мне эту землю! Деревня - это хранительница национальной культуры, быта, обычаев, традиций. Родина начинается с семьи, с ее неповторимых особенностей, нравственного устоя, а мы этот жизненный уклад деревенский безвозвратно утратили. Уезды деревни... Оглядываемся. Малеем.

Однажды я вижу сон. (В юности я занималась парашютным спортом). Это судьба мне подарена такое видение. Легу я над своей деревней Зайцево. А это Город-кохоз. Издания громадные, и поля до самого Сарова...

При выборах президента, я увидела расквстатку. Подмосковный собхоз или кохоз Трудинина. А почему бы нет? Скнуты бы мне лет 70!

Вы простите меня. А ведь это здорово! В этом сундучке - коммуне дети вместе с родителями, живут, учатся, приобщаются к труду - самому разумному началу воспитания гражданина. Вот только так мы сохраним свое лицо русское-многонациональное!

И построит этот народ СОЦИАЛИЗМ НОВЫЙ. С Китаем будем жить дружно. И Украина наша родной почувствует себя.

Путину В.В. желаю здоровья. Малюсь за него и за нашу Россию малюсь. Народ у нас хороший.

Не будь травой - будь воином, - учил меня отец, участвовавший в 4-х войнах, сачий мужичий отец.

Разорению крестьян способствовали войны и нерадивость некоторой части деревенских жителей.

Вот утром лежит такой "хозяин" на подоконнике, просушив свою хохлатую нечесаную голову сквозь створку окна.

- Ты куда в такую рань пошла, Маргара?

- Да, в поле за лошадью.

- А ты сам почему Кшиш Микониз не идёшь?

- Она мне не ловится.

- Так какой же ты хозяин, если тебе лошадь твоя не ловится?

- Не учи. Я сам своим домом живу. Уди учи свою бабу...

Да, он такой и нам не нужен. Фамилия Ч... Черномырдун, похоже.

А вот Кузьма Биротков стоит с вилами. "Товарбуй возьми!! Я своим горбом зарабатывал. Что?! Я должен кормить голодранцев, городских рабочих и всю голодающую Республику!" Нет, уж! Страшен был 40-летний Кузьма с вилами в руках! "Тренок ты силушкой своей и не с вилами добро своё защищать, а тетю Рошну будешь строить в стены повывной, и сыновья послужат в забое, в шахте."

Биротков не сдаётся. ККВДшник убеждает: "Вы еще, товарищизн, послушайте Советской власти! Сатай свою семью с поклажей в телегу и на Урал."

... Не пропала семья, Не землянку, а дом на Луково построили. Выноси для скота - сколько угодно!

Не знаю, как братья, а я льготы одорщина, как пострадавшая от Советской власти."

Ах, уж эта урбанизация! Конечно, как видите, процесс урбанизации государству был необходим. Но хорошо бы и деревню сохранить, ведь деревня - кормилица.

В вобну до последнего зёрнышка: "Всё для фронта, всё для Победы!" После войны отток мужиков из деревень. Разрушенное войной, надо восстанавливать!! "Кто хлеб-то будет выращивать?"

"Погодь, бабка, погодь!" На хребте соль выступает, ему и своим детям надо кормить. Да будет ли когда-нибудь отдушина для колхозника? Наконец, налоги скостились. Легче стало.

А там на женщину позвали. Опять нужны мужские, крепкие руки. И повалила молодеть! - их партия позвала.

"Ты или те парням нашим не разорваться, Боди, впадут целинные - то земли, да и вернутся". Зря ты, бабка, защищаешь их. Не вернулись. Захирела деревня, а с ней исчезла наша деревенская душа. Забылись наши обряды - традиции. А теперь надо создавать колхозы на новых местах, восстанавливать "иммунитет", свой за своим наращивать его, укреплять с каждым новым поколением. Это процесс нескорый. Ну, может, перенесут традиционные праздники Борозды, Брасной Горки, Собантун разные.

Но это искusstвенная игра, сцена.

Создавайте новые поселения - коммуны. Культурные по типу китайских коммунистических. Будем жить мирно и с Китаем. И Украина не захочет в НАТО. Такой я видела во сне нашу Россию. Я - строитель Социализма.
Леонид.

Я ПОМНЮ

Я помню себя с трех лет. Всё это есть в моей книге "Родословная. Память". Рассказ: как меня мама родила, и всё, всё о деревне моей. Моя мама, моя родная деревенька в Чодомов Зайцево-Магорное Землевицкой волости, Ветлужского уезда, Нижегородской губернии. Любимая, "последышек" для домотадцев, радость великая для мамушки моей. Мелеем меня в семье, но рукаж все носим, будто оскотмивила всех своим появлением на свет Божий сорока четырёх летней мамушки при седьмых родах. Любимую догую угим отец плясать поцыгански и петь гастушка. "Му и юла!"

А на улице полугага тыжки за свой вздорный и капризный характер, но давала сдачи. Росла я смелой.

"Не будь травой," угим меня мой любимый тятенька. "Силою защищай свое достоинство," - наставлял уходя на войну. "Наугим на свою голову," - теперь мамушка вразумляла меня, огрехи отцовские - его воспитание старалась выгнать каменными жемудом. И попадаю мне за пляски и за песенки на довтоногих ветёрках, куда меня носили, иногда в одеяльце, чтоб веселила довтонок. Мне, конечно, всё это нравилось, а мамушка вразумляла со слезами: "Отец и братики твои, может, раненные лежат, а ты поешь."

Презирала она гордино, что уже проявлялось у меня 5-летней. "Не держи зубу свою сковородничкое," - это значит: не хвались, не бахвались, не заносись.

"Наугим тебя отец на свою голову," и опять: уймишь, остепенись. "Остепенилась" я, когда Боренька в декабре 1944 года пропал без вести. Сильный молотобоец, помощник отца-кузнеца в первом бою был ранен, служил в митовской полку, ему бы 27 декабря 1944 года исполнилось бы 18 лет. Я плясать устыдилась. Поняла.

Была я доброй, и хорошо помогала по хозяйству, но когда огорчала мамушку, она говорила грубо: "Не держи морду сковородничкое, ты не мушиме другие, вот, когда люди тебя похвалят..."

Кончилась война. Мне 8 лет.

Я так долго ждала своего тятеньку. Он в колхозе и кузнец и коновал. Ездил по колхозам. Он легит и выкладывает. Притупает меня не брезговать ни кровью, ни закахом. Изучила я внутренности животных, и даже в 12 лет полугага трудодни в колхозе, как помощница тети Мани-птигницы. Я берегла цыпок от ястреба. Потом я писала свой дневник.

Мне 13 лет. В комсомол не приняла. Крестик не снимаю. Отец снимает крестик, передает верующей мамушке со словами "Бог в душе нашей." "Ты помнишь," говорит мне, - смело защищай своё достоинство!

2
Не будь равнодушной, не проходи мимо поступков противных твоей совести. А в Комсомол тебя пригласят, ты достойна," - вытирал он мои слёзы.

Мой отец самый лучший отец на свете. Он всё знает! Мне 14 лет. Отец умер. Ездил в Латвию за лошадыю для колхоза. Застудился до воспаления лёгких. Никогда не болел. Участник 4-х войн. Ему было 54 года.

В рассказе "Картофельное поле", я учу городскую изнеженную, туфую, ленивую и бессовестную ровесницу, которая не собирает картошку, специально затанцовывает.

"Войны не видела?" "Быть я её не стала, но вразумляла. Ветером с матушкой этот слугей досконально разобрали, я права в своих убеждениях. И опять слова матушки: "Научил тебя отец на свою голову. Тяжело тебе будет в жизни - всех не научишь".

Мне 18 лет. "Элеватор". Это уже в г. Чагнитогорске.

И опять я учу городские, учу работать. Стойжу. "Ты откуда такая патриотка?" Я на них не обижаюсь...

До окончания нашей "командировки", меня приняли в Комсомол, а в 1958 году в честь 40-летия Комсомола, я получила ценный подарок: наручные часы "Звезда".

(Ма ММК - 70 тыс. работающих, в т.ч. половина молодёжь, 13 тыс комсомольцев. И 13 часов). Вот это я!!

Перед отъездом в город, учтись на учительницу, учила меня моя неграмотная матушка: "Ты уж больно беспристрастная. В городе собираешься жить. Смотри, получишь за свои подсказки зуботычину".

На уборочную страду в Целинный совхоз прислали рабочих с г. Чры. Управляющий Тригорьев Иван всеж вновь прибывших распределил по бригадам. А Сенька-токарь вызвался поработать на станке. "Хорошо, сказал управляющий," - дали токарю Быскову И. "отпуск двухнедельный," - и повёл Сеньку к станку токарному Дип-200. Сенька, вооружившись ключами, пробрался к гаражам, где стояла тележка, ожидающая своего ремонта.

"Навинтил" мелотёвку: винты, болты, гайки. Промыл керосином, обещил и принёс нормировщику на расценку. Конечно, я по-комсомольски устроила ему суд. Моменик, прощелыга еслототал от меня пощёгину кринародно. Взломался: "Бей меня сколько хочешь, только не вообще в завод".

Тоня Сенька, что у нас люди, проеянные через сито, на которых можно положиться, а выковыливает наш комсомольский характер вот такой душевный, воевой и сильный Иван Тригорьев, почти наш ровесник, но рождённый и воспитанный в большой крестьянской семье.

3
Я, деревенская душа, всегда брала на себя большую долю ответственности. Меня даже мои подружки осуждали: „Тебе больше всех надо! С тобой и дружить не просто. Уте огонь правильная ты!“ (но дружили и уважали меня.)

Да, Наше поколение - поколение строителей Социализма. Мы - хозяева страны. Мы за всё в ответе.

„Будь настоящим человеком во всём, будь достойным наследником того богатства, что создали строители Социализма“, - учили нас коммунисты. Оставь свой след на Земле - повторяли наши наставники, участники ВОВ.

„Человек с такими убеждениями - не трава“, - похвалили бы меня мой любимый отец. - тэтенка по-деревенски.

И как будто обо мне сказал поэт Леонид Мартынов:

Я уяснил,

Что значит быть свободным,

Я разобрался в этом гуветве трудно,

Одном из самых лёгких гуветв на свете,

И знаете, что значит быть свободным?

Ведь это значит быть за всё в ответе!

За всё я отвечаю в этом мире -

За вздохи, слёзы, горе и потери,

За веру, суверен и безверье.

Я не молода, и вдруг я не успею кому-то подсказать... Я спешу. Цевыми потерком списала страницу из книги „Взгный зов“. Читайте, не ищите пригину, почему нас русские не любят. Там всё ясно изложена идея обомванивания русских.

Цензуры нет и мы себя не защищаем, смеяёмся отделиваемся: „У нас гласность“. А ведь не до смеха! Куда мы идем? Что строим?

В Госдуме Жериновский „шпарит“ Зюганова за „коммунизм“. А коммунист - слово-то „неприглядное“ стало, непечатное. И даже те, кто строил Социализм названы совками.

„Писатель“ Владимир Сорокин... довольно рано попал в андеграунд, мне было 20 лет... „Я подсознательно понимал всю уродливост и ущербност совка... В перестроечное время совки вырождаются и трескаются.“ Его „творение“

„Белый квадрат“. Считаю себя знатоком жизни. Жил в доме Академии Наук, знал поворотню деревни...

Оксана Васякина. Премия. Большая Книга. Однополая любовь.

... Пусть будет мой сон „в руку“. Бесплатные квартиры, и ротой детей! Надо растить новое поколение, патриотов своего Отечества, пусть в коммунах-сундукках рождаются, растут и воспитываются крепкие деревенские парни.

Мой сон - проект будущего нового Социализма.

Мам век свой вспоминать не стыдно.

Мы - Строители Социализма.